

К. А. КАРАТЫГИНА.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ

КАК Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ С АНТОНОМ ПАВЛОВИЧЕМ

Публикация Е. М. Хмелевской

Клеопатра Александровна Каратыгина (урожд. Глухарева, 1848—1934), актриса, выступавшая во многих провинциальных театрах, затем в Малом, Александринском и других столичных театрах. Муж ее, Антон Андреевич Каратыгин (1840—1874), был племянником знаменитого русского трагика В. А. Каратыгина.

За год до смерти она написала автобиографию, которая была передана в 1941 г. в ИРЛИ вместе с письмами Чехова к Каратыгине и публикуемыми ниже «Воспоминаниями». Автобиография посвящена главным образом годам учения и поступлению на драматическую сцену. Пять писем Чехова к Каратыгине вошли в Полное собрание сочинений. В ЛБ находится тридцать семь писем, записок и телеграмм Каратыгине к Чехову за годы: 1889—1892, 1894—1896, 1898, 1899, 1901, 1904 (ф. 331, 47/13а, б, в).

Публикуемые ниже «Воспоминания» печатаются по рукописи, хранящейся в ИРЛИ (Р1, оп. 12, № 327). Написаны они в 1926 г. Обладая прекрасной памятью, Каратыгина воскресила в них некоторые забытые эпизоды из жизни Чехова, передала свои беседы с писателем, описала его московский кабинет и т. д. Достоверность «Воспоминаний» не вызывает сомнений, так как в тех случаях, когда Каратыгина говорит об уже известных фактах, они подтверждаются другими источниками. Некоторые допущенные ею мелкие ошибки исправлены в примечаниях.

Центральное место в «Воспоминаниях» отведено пребыванию Чехова в Одессе в июле 1889 г. среди артистов Малого театра. Об этом еще раньше писал в своих воспоминаниях «О Чехове» П. А. Сергеевко: «Летом 1889 г. мне пришлось ехать из Мариуполя в Одессу и познакомиться на пароходе с группой из артистов московского Малого театра: К. Каратыгиной, Пановой, И. Н. Грековым, О. Правдиным, А. П. Ленским и другими. У нас оказались общие знакомые в Москве и, между прочим, Антон Павлович Чехов. Он в это время переживал тяжелый период — утрату своего любимого брата Николая. Кто-то подал мысль, как бы хорошо было залучить Чехова в Одессу, где он никогда не был. Это могло бы его развлечь, а мы вместе постарались бы облегчить его горе. Помню, А. П. Ленский так и загорелся от этого плана: он очень любил Чехова и бесподобно читал его очерки.

— Отлично! Превосходно! Надо написать ему. А еще лучше: послать депешу.

Все согласились. Была составлена депеша, даже, кажется, в стихах, — и послана Чехову. С телеграммой, как это часто бывает, вышла какая-то путаница. Но в заключение все окончилось к общему удовольствию. Чехов извещал, что приедет в Одессу. И, действительно, через несколько дней он приехал с своим меньшим братом, народным учителем Иваном Павловичем» («Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“, 1904, X, стб. 211—212).

В ответ на приглашение Чехов послал Сергеевко 25 июня 1889 г. следующую телеграмму: «Если Ленского зовут Александром Павловичем, то выведу вторник. Телеграфируй, какой остановиться гостинице. Ч е х о в» (XIV, 378).

Очевидно путаница, о которой вспоминал Сергеевко, произошла с именем Ленского. Чехов писал 2 июля 1889 г. А. С. Суворину о своем намерении ехать в Одессу после

вторника, т. е. после 4 июля (см. XIV, 391), а 16 июля 1889 г. он писал И. П. Чехову уже с парохода «Ольга», по дороге из Одессы в Ялту. Следовательно, в Одессе Чехов был от 5 до 15 июля 1889 г. В этом письме к И. П. Чехову, который, очевидно, уехал из Одессы раньше, Чехов рассказывает о своем житье в Одессе и об окружающих его там лицах. Письмо Чехова во многом комментирует «Воспоминания» Каратыгиной и вместе с тем подтверждает их правильность (см. XIV, 381—383).

Прошло 22 года смерти, преждевременной, жестокой смерти, похитившей Чехова в самый расцвет его яркого таланта, и не можешь забыть его ни как писателя, ни как человека.

Когда я кой-кому рассказывала о моей встрече и знакомстве с ним, меня убеждали напечатать воспоминания об этом. Решаюсь дебютировать, ибо убеждена, что Антон Павлович поощрил бы эту мою попытку. Как-то раз я, увлеченная его произведениями, выдумала кой-что из них соединить и инсценировать и спросила на то его разрешения и одобрения, он ответил: «Валяйте! Благословляю!» Но я убоюсь и осталась при намерении. Теперь отваживаюсь. Свое калечить не так ответственно, да и намерение мое благо. Авось не опикают 79-тилетнюю дебютантку. Итак...

С 1883 г. по 1900 г. я неизменно участвовала во всех артистических летних поездках драматической труппы императорского Московского Малого театра, где несла ответственный репертуар характерных, комических старух и гранд-дам. Душою дела и управляющим был Осип Андреевич Правдин¹. В состав труппы перемененно входили артистки и артисты, подобных которым не было и нет: Ермолова, Федотова, Медведева, Садовская, Никулина, Лешковская, А. Яблочкина, А. П. Ленский, Горев, М. Садовский, Рыбаков, Н. Музиль, Макшеев, Багров, Рыжов. Репертуар: «Укрощение строптивой», «Гамлет», «Орлеанская дева», «Мария Стюарт», «Бешеные деньги», «Дон Жуан», «Медея»² и «Последняя воля»³, «Горе от ума», «Цепи»⁴ и т. п.

Города: Одесса, Тифлис, Варшава, Киев, Волга и все крупные города России.

Мы любили посещать Одессу, тогда еще красивую, благодаря городскому голове Маразли⁵, где был чудный большой театр и море и где публика нас хорошо принимала.

В 1889 г. с нами поехал Ал. Павл. Ленский. Гамлет, Дон Жуан, Скуливан и проч.⁶ Был, конечно, Правдин, Греков⁷, — все с женами.

Между ними шли оживленные толки о Чехове, который находился около умирающего брата, художника Николая. Затем, говорят, брат скончался. Усиленный разговор о том, чтобы выписать Антошу Чехова с тем, чтобы его развлекать.

О Чехове тогда уже много говорили как о яркой восходящей звезде и интересном литературном таланте. Я многое его читала и, конечно, «Пестрые рассказы»⁸, от которых пришла в восторг. Позднее Антон Павлович взял у меня этот экземпляр для переиздания и даже шутя дал расписку, что возвратит этот именно том (расписку берегу), но возвратил переизданный. От старого тома у меня осталась только курьезная виньетка с подписью Чехонте⁹. При разговорах о Чехове и слухах о его приезде у меня, как говорится, были ушки на макушке. Работа в поездках, по крайней мере у меня, была каторжная. Каждый день репетиции, спектакли. Часто сегодня в одном городе, завтра в другом. Ночью укладка костюмов на машину, в пять утра с машины на пароход. В четыре часа дня приезжаем в гостиницу чужого города, разбор костюмов, а в восемь спектакль. И мы были счастливы, когда добирались до Одессы, до морского купанья!! Это был у нас сравнительный отдых.

И вот выдался денек полной свободы, и мы компанией отправились на «Большой Фонтан». Мужчины кончили купанье, вышли на верхнюю площадку и с кем-то оживленно беседуют. Смотрю, молодой человек, стройный, изящный, приятное лицо, с небольшой пушистой бородкой; одет в серую пару, на голове мягкая колибрийка «пирожком», красивый галстук, а у сорочки на груди и рукавах плоенные брыжжи. В общем, впечатление элегантности, но... о ужас!! держит в руках большой бумажный картуз (по-старинному «фунтик») и грызет семечки... (привычка южан). Спрашиваю: «Кто это?» — «Разве не знаете?! Это Чехов!» — Чехов?!! Грызет семечки? Звезда... Литератор... с фунтиком!.. Чувствую, облака подо мной опускаются... Ленский кричит: «Антон Павлович, идите сюда! позвольте вас представить нашей Клеопатре, которая не верит, что вы Чехов, потому что вы грызете семечки». Чехов живо подошел, раскланялся. «Я самый и есть. Выписан сюда на гастроли. Не угодно ли?» — предлагает мне семечек. Презирая это занятие, огорченная, разочарованная, я смущенно помотала головой, а так как почти стемнело и мы собрались ехать, то он предложил мне руку и, продолжая грызть ненавистные семечки, сел со мной на извозчика, всю дорогу убеждал меня погрызть, болтал и смешил.

Я была спасена. Он вывел меня из отчаянного положения. Я вообще из диких, мало общительна, говорить не умею, а тут пришлось внезапно познакомиться с восходящей звездой, литератором, значит существом особенным, да еще молодым — того гляди, на смех подымет. С таким существом и разговор должен быть особенный, мало того, что умный, но еще и стильный и уже во всяком случае сверхграмотный... Словом, сидела я на гвоздях и кляла и Ленского, и себя, и «счастливый случай». Но Чехов учуял мое несчастное положение, сумел втянуть меня в разговор, и я всю дорогу болтала и хохотала. Вернувшись домой в Одессу в нашу «Северную гостиницу», мы отправились всей компанией ужинать. Антон Павлович был так мил, так прост, так пленил своим юмором, что я была положительно очарована. С этого дня мы с ним подружились.

Наша артистическая компания делилась на три разряда: к первому принадлежали люди обеспеченные и в Москве, и в поездке большим жалованием, они могли есть, что хотели, и делать интересные покупки. Понынешнему, их называли бы буржуями. Второй разряд хотя работал много и хорошо, но получал значительно меньше. Ведь и прежде была, да и теперь есть, система *не подносить два гриба на ложку*. А раз получали меньше, то соответственно и расходовать могли меньше. Но мы, особенно женщины, старались иметь определенный угол и какое-то хозяйство в складчину. Гнездо, как у старшей, было у меня, компаньонками моими по хозяйству были: Г<лафира> В<икторовна> П<анова>, молоденькая, только начавшая свой артистический рост девушка, уехавшая в первый раз от папаши и мамашы и всего конфузившаяся. Позднее она вышла замуж за артиста Арбенина и теперь бабушка-красавица¹⁰. Вторая компаньонка была Е. П. А., немного уже видевшая свет и раньше знакомая с Чеховым¹¹. И она теперь замужем и мать семейства. Иногда к нам присоединялся М. Ф. Багров¹².

Отдых наш был после спектакля, когда мы могли и попить чайку, и поесть, и наболтаться вдосталь. Сборный пункт был всегда у меня в № 48, в четвертом этаже «Северной гостиницы». Комната эта стала с этих пор исторической.

Раз блаженствуем мы после спектакля за самоварчиком, стук в дверь. — «Кто? Войдите!!» Вдруг в приотворенную дверь лезет белое длинное узкое полено. «Ай! Ой! Что это? Что это?» — «Это мы!» Смотрим, вылезает из двери держащий в руках полено (оказавшееся длинейшим белым французским хлебом) длинный худой мужчина с черной головой и за ним

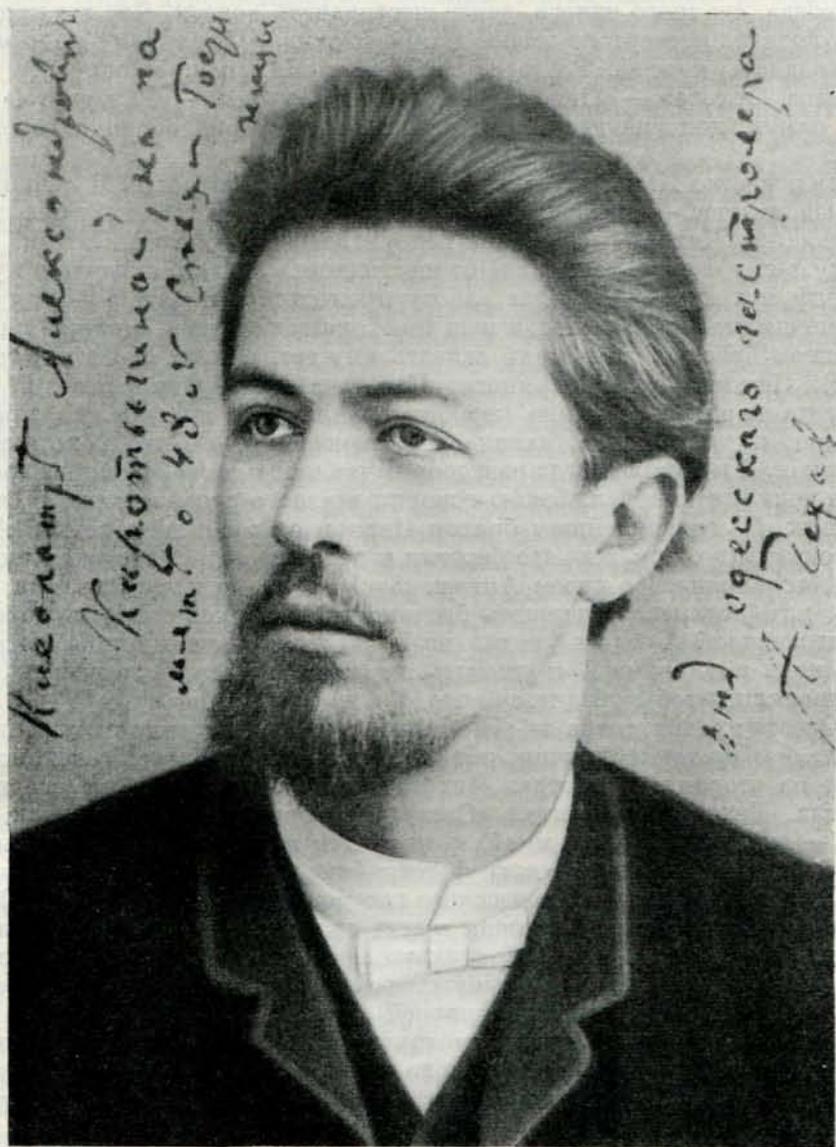
Антон Павлович Чехов. «Ради бога, простите, не гоните и напоите чайком! Вот это хлеб-соль, это дыня, это сосиски, и это Сергеенко!»¹³ Мужчина смиренный, но курящий. Разоружайся!» — обратился он к Сергеенко, который стоял с булкой, как солдат с ружьем. Поднялась суматоха: куда девать булку? Комната небольшая, стол тоже. Решили разрезать ее на три части, подостлав на сундуке газеты. Я была сконфужена и даже обижена приношением, но объявили: иначе нельзя, складчина! Позвонили еще стаканов! Их принес старый лакей Михайло, несмотря на позднее время одетый во фрак и белые нитяные перчатки. У нас были два лакея, оба Михайлы. Этого мы прозвали Михаил Архангел, ибо он был важен, строг и часто читал нам нравоучения. Второго мы прозвали Михайло Маленький, хотя он был с сединой, имел пятерых детей и жена его, Марья, была постоянно беременна.

Чехов начал передо мной извиняться за несвоевременное посещение. «Подумайте только, выписали меня ваши управляющие с тем, чтобы меня развлекать, а придешь к ним, вечно ставни закрыты, сидят раздетые, едят и считают и пишут. Считают и едят. Щелканье счетов, табак, соусом пахнет... У вас, слышу, смех, жизнь даже после усталости от спектакля. Думаю, сунусь, авось приютят?» — Ну и, конечно, приютили с восторгом! С этого дня пошло у нас с чаепитием такие веселье и смех, какие мог возбудить только Чехов¹⁴. И кто бы мог предполагать, что этот жизнерадостный человек, умевший благодаря своему сверкающему юмору заставлять вас забывать ваши невзгоды, кто мог бы предполагать, что он уже обречен.

Беседы наши длились часов до двух, до трех. Эти вечера Сергеенко в своих воспоминаниях о Чехове (приложение «Нивы») назвал «беседы Антония и Клеопатры». Как теперь помню Сергеенко: необыкновенно тихий, спокойный человек, чересчур даже. Полный контраст со всегда подвижным и оживленным Чеховым. Его место за моим небольшим столом находилось около ниши, где за занавеской висели мои костюмы. Он всегда что-то повествовал таинственным голосом, размахивая рукой, в которой была папироса, и я умирала, что он заронит огонь и сожжет мои туалеты. Он почти не расставался с Чеховым, и мы прозвали их «молодой дуб и павилика».

На другой день Антон Павлович принес мне том своих «Рассказов», где была напечатана «Тина». Я, конечно, была в восторге от его любезности. Чехов слышал, что я исколесила всю Россию и Сибирь с Кяхтой и Сахалином, и по этому случаю надписал на книге: «Великой Артистке Земли Русской»¹⁵. Я говорю: «Что за надпись? Зачем издеваетесь? Никому нельзя будет похвастать вашим подарком, будут смеяться». — «А зачем, — говорит, — вы называете меня нарядным литератором?»¹⁶ Будут смеяться? А пускай покатаются с вами и по вашему да потом и смеются». Стала я читать «Тина», смотрю подчеркнута. Спрашиваю, намеренно подчеркнули? Говорит: «Да!» Почему? — «С живой списано». Через несколько дней он принес мне «В сумерках» с такой же надписью¹⁷. Да позднее и в письмах так же величал.

Помню, застал он меня как-то в слезах и злую ужасно. «В чем дело?» — Да как же, работаю и так, как лошадь, прошу, чтобы избавили меня от роли «Смерти» в «Дон-Жуане», нет, ни за что! Мне омерзительно натягивать на себя костюм скелета, а Правдин заставляет, потому что, говорит, «худей тебя человека нет». Тогда Чехов серьезно говорит: «Мадам, вы знаете, я доктор? Дайте мне листок бумаги, вот, закажите в аптеке и закончите с ними разом». Читаю: «яд для отравления Правдина и Грекова». Я, в раже не прочитав рецепта, решив, что можем попасть под суд, сдуру разорвала рецепт и этим лишила себя курьезной памятки. Так <как> я была и есть очень вспыльчива и болезненно мнительна, то Чехов прозвал

ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Клеопатре Александровне Каратыгиной, на память о 48 № Северной гостиницы от одесского гастрономера А. Чехов»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

меня «Самоедкой» в буквальном смысле этого слова. Помню, как-то, все в той же Одессе, собрались мы втроем — Е. А., Г. П.¹⁸ и я — пить чай после обеда, сладкого ничего, денег шестнадцать копеек. Что тут купишь? Самим идти из четвертого этажа жарко и лень. Посильному надо заплатить тридцать копеек. Тогда Е. А. звонит Михайле: «Попросите сюда господина Чехова». — «Они *спмят* (значит *спят*)». — «Разбудите!» Михайло охнул, дико на нас посмотрел, покачал укоризненно головой, но пошел.

Зная озорство Кати, я заахала: «Катя, что вы затеваете? Я с ним едва знакома» и проч. — «Молчите, — говорит, — гувернантка, не ваше дело».

Прибегает Чехов, заспанный, недоумевающий — ??? Что? Как? Что? Катя сует ему в руки медяки: «Вот шестнадцать копеек, сходите и купите нам полфунта мармелада, а за работу приходите чай пить!» — Я чуть со стула не скатилась от ужаса, а наш «восходящая звезда», «модный литератор» мигом побежал вниз (и то сказать, ему тогда было, кажется, только 29 лет). Немного погодя приносит Кате два фунта мармелада, Г. П. — два фунта карамелек, а мне коробку английского печенья. Я, красная как пион, чуть не плача, давилась приношением, а Катя хохотала как одержимая. И я помню, когда разговор начинался о семье, о родных вообще, как он тепло, с какой любовью говорил всегда о своей матери, о сестре, о братьях. С его милейшим братом Иваном он меня познакомил. А как он рассказывал о том, как его берегли и лелеяли мать и сестра! Как мать всегда беспокоилась о своем Антошеньке! «Если не хочу есть или задушаюсь, мать, стараясь сдержать беспокойство, подходила: уж здоров ли ты, Антошенька? А если я уходил из дома, то они до тех пор не ложились спать, пока я не вернусь, и уж мать, наверно, пряталась за дверь, пока мне отворяли, чтобы убедиться, что я жив и невредим».

В Одессе прачка драла за стирку, что хотела, особенно с мужчин, холостых, *беззащитных* мужчин, ибо мы, женщины, грызлись с нею или отдавали на сторону. Вот отдал Чехов чесучовую пару, и она его прямо ограбила. Чехов счет спрятал. «Свезу, — говорит, — маменьке, как, — говорит, — она заахает надо мной, я ей счет и покажу...» Перед отъездом из Одессы он подарил мне свою фотографию с надписью: «На память о 48 № Северной гостиницы от одесского гастролера. А. Чехов»¹⁹. Когда я смотрю на этот портрет, у меня всегда сжимается сердце. Возмутительная судьба. Человек, который столько мог бы еще создать для литературы, лежит в могиле, а мы вынуждены питаться иногда прямо сверхъестественной и совершенно непонятной дрянью.

Итак, одесские наши летние гастроли <18>89 г. кончились, и мы поехали по домам. Он взял с меня слово, что я в Москве обязательно у него побываю. По приезду в Москву встретились как-то в театре, потом пришел ко мне, принес торт и сделал выговор, зачем не иду к нему.

Собралась. Иду и рисую в воображении, как живет модный литератор... Нашла дом. Сколько помню, на Садовой, дом Фирганг против Вдовьего дома²⁰. И вот, не без волнения и трепета, звоню и попадаю, наконец, в кабинет его.

А вот каков был рабочий кабинет у «восходящей звезды». Из двери направо по стенке — рабочий стол, на нем направо — рукопись, чернильница, перья, карандаши и несколько фотографий знаменитых писателей без рамок. Над столом — картина его любимца Левитана — грустная серая река в грустных серых берегах; по другой стене — открытый ломберный стол и на нем фотографии без рамок, в углу — печка. Несколько стульев. На полу — две малороссийских плахты. Напротив входной двери — еще дверь, и над ней прибиты веером шесть деревянных круглых красных ложек. Налево от входной двери — два окна. Вот и все. Вот, где тогда работал Чехов. Вот, где он нам писал такие чудесные вещи. Вот, когда оправ-

далась пословица: «не красна изба углами, а красна пирогами». А вкусные и занятные пироги пек нам Чехов. За дверью в другую комнату я услышала шорох. «Там, — говорит, — моя тайная канцелярия. Там мой братишка Миша переписывает мое писание». Антон Павлович не предупреждал меня, когда у него свободные часы, и боюсь, что я ввалилась во время его работы. «Вот, — говорит, — пишу большую вещь, заставляют. Восемьдесят листов. Говорят, надо писать большое, не закидать на мелочи. Боюсь. Что-то выйдет из этого»²¹. Я позволила себе сказать ему: «Но ваши мелкие вещи так ярки и так образны, не забрасывайте их». В разговоре я спросила его: «Не рассердитесь, если я задам вам вопрос?» Пошутил: «Дерзайте, живы останетесь». «Отчего, скажите, несмотря на то, что в большей части ваших рассказов вы можете мертвого рассмешить, везде у вас звенит какая-то скорбная струна?» Тогда он серьезно сказал: «А что же на свете веселого, сударыня моя, покажите пальчиком». Он все подводил меня к картине Левитана. Сделает из руки трубочку и любуется. «Посмотрите, посмотрите! Какая красота!». А на меня от этой картины веяло грустью и смертью.

В этот сезон в Москве он бывал у меня довольно часто. Мы с сестрой моей, артисткой Н. А. Гусевой²², нанимали у немцев две комнаты. Моя была параднее, но в стороне, и ход через немецкую гостиную мимо двух страшно злющих охотничьих собак, которых и я, и Чехов страшно боялись. Сестрина комната была ближе к входной двери. Обстановка очень скромная, и мы конфузились принимать его там, но он ее предпочитал. «Тут, — говорит, — пятки по крайней мере целы будут». Комната сама по себе была длинная и такая узкая, что вытягивая руки и раскачиваясь, он касался стен, и это страшно его забавляло. Бывало не посидит, а все ходит и говорит, говорит. И ведь не скучал же он у нас. А раз показали мы ему поближе нашу служанку: огромную мужского роста деревенскую девку, бесоногую, с тонкой косичкой, перевязанной тряпкой, в страшно коротком старом красном сарафане и плисовой когда-то черной кофте, которая на ее монументальном бюсте порыжелая и протиралась, — при виде ее его удовольствию не было границ. Попросил ее принести стакан воды. Конечно, принесла в руках. Я сделала ей замечание: «Что это? Разве так вежливо, Дорина?» Девка разобиделась, окрысилась: «Я не Дорина, да никогда еще ей и не была. Может, ваши питерские Дорины, а я не таковская и не смеете страмить...» — хлопнула дверью и ушла, а мы все трое чуть не попадали от этого дивертисмента, как назвал это происшествие Чехов, который хохотал до слез.

Раз пришел он в мою комнату. День был ясный. Стоит у окна с книгой. «Вот, великая артистка земли русской, вот вам моя „Скучная история“, читайте на здоровье!»²³ Я была очень тронута его вниманием. Я глядела на него, я и теперь ярко помню его лицо, выражение его глаз. Они вообще были у него такие ясные, такие лучистые, но в эту минуту в них было какое-то особенное выражение. Он смотрел куда-то вдаль и улыбался. Я уверена, что в эти минуты он думал о своем славном будущем и был неизмеримо счастлив... Я молчала, не шевелилась, не смела нарушить его дум... По-моему, это было самое лучшее его время. О нем начали много говорить и писать, слава его росла²⁴, и тогда он был еще здоров...

Помню, как-то позднее он мне прислал журнал, где он на рисунке был изображен в красках, русским мужичком, стоящим на телеге, которую везут Иванов, Лепший и Медведь²⁵. Дальше мы виделись урывками, у него было много работы. В 1890 г. он собирался в Сибирь и на Сахалин²⁶. Суворин горячо этому содействовал. И вот, конечно, это путешествие по отчаянным дорогам, в распутицу, на лодках между льдинами или пешком по колено в ледяной воде, под дождем и снегом, все это, а также

и напряженная литературная работа, несомненно, уколошили его. Стоит прочесть в его «Сахалине» страницы 5, 117 до 121 в томе XV²⁷, так не надо другого доказательства причин его преждевременной гибели.

Пред отъездом в Сибирь он был у меня раза три; веселье его куда-то исчезло, я сказала бы скорей, что он был мрачен. Из путешествия он мне написал два большие письма²⁸. По возвращении он написал свой «Сахалин», много пьес, блестящих рассказов. Он был выбран почетным членом императорской Академии наук (но отказался от этого звания). В <18>91 г. ездил за границу. Потом с <18>92 г. купил имение Мелихово, где он до <18>97 г. жил с семьей и наезжал в Москву и Питер, строился и работал, писал, писал... и был нарасхват. Его самого, его талант, его славу любили — кто эгонстически, кто искренно. Носились с ним, его чествовали, но все время подгоняли: работай, твори! Подгоняли, правда, кнутиком из роз и лавров, но подгоняли, не давая передышки... Кто-то выразился: «кто любил, тот и убил», повторилась сказка о курице, несшей золотые яйца. Но милее всего то, что те же люди, которые прежде крепко держали его в своих объятиях, много лет спустя после его смерти трунили над ним в газетных статейках. Есть пословица: «лежачего не бьют», вероятно, из опаски, что лежачий отлежится, да как встанет, сам хватит. Ну, а мертвого, почему не лягнуть, безопасно...²⁹.

Да! После возвращения с Сахалина слава его росла не по дням, а по часам, но в это же время болезнь нещадно прогрессировала, и смерть протягивала за ним свою проклятую костлявую руку. Но окрыленный успехом, Чехов всячески отбивался и бодрился, хотя настроение его делалось мрачнее и он как врач чувствовал, что с ним творится.

Раньше, пока он жил в Лопасне, он очень звал меня туда в гости, но я по дикости своей не поехала.

Не один раз он еще дарил мне свои произведения, а раз из-за границы он привез мелкие подарки всем своим сожителям в Лопасню, и мне подарил записную книжку. «Больше,— говорит,— как по одной штучке не пропускают». Помню, как Чехов злился на одну из наших дам, которая задумала женить его на прелестной, молоденькой, скромной артистке из хорошей, честной семьи, Г. П.: «И что эта Л.³⁰ сует свой нос куда не следует! Никогда артисты, художники не должны соединяться браком. Каждый художник, писатель, артист любит лишь свое искусство, весь поглощен лишь им, какая же тут может быть взаимная любовь супружеская?»

Помню, с 1895/96 г. Литературно-художественное общество перенесло свою театральную деятельность в театр на Фонтанку, 65. Было несколько содиректоров (из которых благополучен по сие время, кажется, только один А. Р. Кугель). В состав труппы вступила и я. О чем я уже раньше знала из письма Чехова. В труппе были такие величины, как Стрепетова, Далматов. Дело было поставлено солидно и красиво. Во главе был Алексей Сергеевич Суворин³¹.

Старик любил дело, но был безмерно груб и лют. Я старалась избегать с ним всяких встреч и столкновений, ибо сама человек горячий.

Давали раз «Бедность не порок» с Мих. Ад. Михайловым³². Чудный был артист и человек. Суворина, который его очень любил, он изводил тем, что иногда, как только огромная ответственная роль, он приезжал с блинов. В названном выше спектакле Любовь Гордеевну играла Пасхалова³³. Я была свободна, Чехов был в театре. Поймал меня за кулисами — потащил: «Пойдем смотреть!» Говорю: «Мест нет». «Пойдемте в директорскую ложу». Я упираться. Потащил. Спектакль был начат. Побежали кругом по коридору. Капельдинера, конечно, не было, Чехов все время держал меня под руку, метался, отворял разные двери и вдруг... Ах!!.. Оба сконфузились... Наконец, попали. В передней ложе сидит перед нами

Суворин в пальто, шапке и с палкой. Стучит, бурчит, я предчувствовала дикую выходку и умоляла Чехова меня выпустить, но он уверял, что будет занятно, и убеждал сидеть. Пасхалова по ходу пьесы сидела на авансцене спиной к ложе Суворина. Слышим: «Мишка! проклятый Мишка! Ну, погоди ж ты!.. Ах мерзавка, ах мерзавка! Чего она головой вертит? Сейчас схвачу ее за косу!» Чехов успел схватить его за рукав пальто... Я струсила, вылетела из ложи, и потом мы так с Чеховым хохотали, что он уверял, что у него селезенка лопнет.

У МОГИЛЫ ЧЕХОВА

Фотография

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с негатива

Литературный музей, Москва

Чехов в это время уже был хозяином Мелиховки (<18>92—<18>97 гг.). Писал, волновался, понемногу сгорал. Ездил в <18>97 г. опять за границу, по совету врачей, конечно, больше на юг. Потом в <18>98 г.³⁴, после смерти отца купил имение в Ялте. Строился. Помогал устроить санаторию для чахоточных. В Ялте, как и в Мелиховке, он был не только землевладельцем, но и врачом и общественным деятелем. Я в это время служила в императорском Московском Малом театре. Виделись с ним очень редко. Все-таки встречалась с ним опять в Одессе и на Кавказе, на группах: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск. Жара и духота были адские, мы не находили себе места, даже Чехов сомлел! «Вот, — говорит, — место, куда людям приезжать от тоски вешаться. Батюшки! Что бы придумать?! Ну, пойдемте в фотографию, я вас всех троих сниму, или бросимся компанией в северный источник, окаменеет там и потом нашу группу будут продавать по четвертаку». Пока мы для фотографии прихорашивались, он топтался и бурчал, как старая брюзга — подменили нам нашего Чехова. Мы обижались тогда на его расположение духа, но, видит бог, и в уме у нас не было, как он болен. Снял нас, а потом

трунил, что я вышла на фотографии с трагическим выражением Медеи или челоуека, у которого пришли описывать имущество; я думаю в 50 градусоу лицо, растаявшее от жары, могло и совсем не выйти на снимке ³⁵.

Слухи ходили о его болезни упорнее и упорнее. Явилось известие (октябрь <18>98 г.), что у него пошла кровь горлом ³⁶. Я дала осторожную телеграмму, получила ответ. Даю *подлинную орфографию*: «Совиршено здоров *благопалучен* кланяюсь благодарю. Ч е х о в». Он ли пошутил, или телеграфист по обыкноуению исказил — не знаю. Эта телеграмма в данную минуту передо мной ³⁷.

В Ялте он обвенчался с артисткой московского Художественного театра О. Л. Книппер ³⁸. Из Ялты же имею 2 письма ³⁹. Хотя ему работа была ядом, но он все-таки писал, и строился, и лечил, и имел в Ялте массу хлопот с санаторией, и поклонницы и начинающие писатели ему дышать не давали, а он по доброте своей и отзывчивости не отказывал никому в своем содействии ⁴⁰. В столицах и провинции давали его пьесы и публика зачитывалась его произведениями. Это, конечно, его удовлетворяло, тем не менее он сгорал... Росла его слава, росла его болезнь. Почти в последний год его жизни, во время представления «Чайки» ему устроили бурную овацию в Москве в Художественном театре ⁴¹, но уж перед публикой стоял не наш жизнерадостный весельчак Антон Павлович, а тень его, живой труп. Мне не довелось быть на этом вечере, но мне рассказывали, что, глядя на него, хотелось плакать и кричать. Вести затем были удручающие. Наконец, доктора потребовали его отъезда. И Россия его потеряла навсегда. Уехал он в Баденвейлер. Через знакомых и по газетам узнавала о его последних муках на чужбине, в чужом углу, вдали от матери, которую он так любил. Слышим: безнадежен... Умер... Сгорел человек. Закрылись ясные глаза. Ушел навеки человек со светлой душой. Высокодаровитый, оригинальный писатель. Вечная тебе память, Антон Павлович! Спасибо тебе за золотые минуты незабвенных бесед. Двадцать два года прошло, и я еще теперь помню нашу первую встречу и его ясные смеющиеся глаза.

Когда он скончался в 1904 <году>, я уже была переведена из Москвы в Петербург, на Александринский театр. Узнала, когда должны были везти из-за границы его тело. По какому-то недоразумению народа на перроне не было. Человек десять, в том числе я. Вагон открыли, я бросилась к гробу и горько плакала над безвременно погибшим. Мне чудилось, что из гроба звенела скорбная струна, и я вспомнила слова Чехова: «А что же есть на свете веселого?» Взяла цветок с его гроба, и он до сих пор сохраняется на том портрете, что подарил мне Антон Павлович. В вагоне 1-го класса находились вдова Антона Павловича, Ольга Леонардовна, и Алексей Сергеевич Суворин. Я повидалась с ними и потом пошла служить панихиду... ⁴²

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Осип Андреевич *Правдин* (1847—1921) — артист Малого театра с 1878 по 1921 г. видный театральный педагог.

² «*Медея*» — драма А. С. Суворина и В. П. Буренина.

³ «*Последняя воля*» — комедия В. И. Немировича-Данченко.

⁴ «*Цепи*» — драма А. И. Южина-Сумбатова.

⁵ Григорий Григорьевич *Маразли* (1831—1907) был городским головой в Одессе с 1894 г. и много заботился о культурных учреждениях города.

⁶ Перечисление ролей, исполнившихся Ленским. *Сюлливан* — герой комедии Меллевиля «Любовь и предрассудок».

⁷ Иван Николаевич *Греков* (1849—1919) — артист Малого театра (1879—1891 и 1901—1909).

⁸ Сборник «Пестрые рассказы», издание журн. «Осколки», вышел в середине мая 1886 г.

⁹ Сохранилась ли расписка Чехова, данная Каратыгиной, — неизвестно, в ИРЛИ она не поступила. Виньетка для сборника «Пестрые рассказы» выполнена Ф. О. Шехтелем, она изображает художника перед мольбертом, на котором натянута полотно с надписью: «А. Чехонте. Пестрые рассказы».

¹⁰ Глафира Викторовна *Панова* — артистка Малого театра с 1887 по 1895 г. В 1895 г. перешла в Александринский театр. В 1897 г. оставила сцену. Николай Федорович *Арбенин* (1863—1906) — артист Малого театра с 1884 по 1896 г. С осени 1896 г. перешел в Александринский театр.

¹¹ *Е. П. А.* — возможно, Екатерина Петровна Александрова (ум. в 1906), артистка Малого театра с 1886 по 1906 г.

¹² Михаил Федорович *Багров* — артист Малого театра (1883—1898).

¹³ *О. П. А. Сергеевко* — см. выше в примечаниях к письму Чехова к нему от 30 декабря 1901 г.

¹⁴ В воспоминаниях «О Чехове» Сергеевко описывает этот визит несколько иначе: «Однажды мы с Чеховым получили приглашение от артистки К. Каратыгиной, которая жила под самой крышей и у которой собиралась молодежь Малого театра. Небольшая комната с низким потолком через несколько минут после нашего прихода наполнилась оживленным разговором и шутками. Чехову очень понравилось это чаепитие, и постепенно наши бельэтажные чаепития начали переноситься в скромное помещение „наших меньших братьев“, как в шутку говорил Чехов. Чаепития эти скоро приняли кличку: чай с диалогами Антония и Клеопатры (Чехов и г-жа Каратыгина)» («Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“, 1904, X, стб. 218—219).

¹⁵ Антон Чехов. Рассказы. СПб., изд. А. С. Суворина, 1888, стр. 255—285. Местонахождение книги с надписью неизвестно. «Великой артисткой земли русской» Чехов называет Каратыгину в письмах от 16 февраля 1894, 13 и 26 февраля 1896 и др. (XVI, 124, 306, 308—309). И она, рассказывая в письмах к Чехову о своей многотрудной жизни, обычно с горечью заканчивала их словами: «Великая артистка земли русской К. Каратыгина».

¹⁶ В письмах к Чехову Каратыгина часто называла его «нарядным» и «адски нарядным литератором» (письма от 13 сентября, 28 октября 1889, от 10 февраля 1894, от 8 июня 1895).

¹⁷ Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб., изд. А. С. Суворина, 1887. Местонахождение книги с надписью неизвестно.

¹⁸ См. прим. 10 и 11.

¹⁹ Фотография хранится в Литературном музее ИРЛИ (ф. 2, № 58294).

²⁰ Чехов жил тогда в Москве на Малой Дмитровке в доме Фирганг (ныне ул. Чехова, № 29).

²¹ Речь идет о «Скучной истории».

²² Наталья Александровна *Гусева* (Глухарева) — драматическая актриса. Играла в Москве, в театре Корша, а потом в Петербурге, в Народном доме.

²³ Очевидно, это был номер «Северного вестника», где была напечатана «Скучная история» (1889, № 11, стр. 73—130).

В письме от 6 декабря 1889 г. Каратыгина писала: «И зачем вы написали вашу проклятую „Скучную историю“? Хотя мое дело не было так велико и почтенно, как деятельность вашего профессора, но все-таки я ему отдала всю жизнь и что же теперь?.. Да, жизни нет. Счастья нет, бога нет. Надо скорей околеть».

²⁴ 22 декабря 1889 г. Каратыгина писала Чехову: «В одном доме был о вас разговор и находили, что „у г. Чехова слишком много скромности, что он должен выше носить свою голову“, а я слетничаю вам...».

²⁵ Карикатура помещена в журнале «Осколки», 1889, № 45; рисовал М. М. Далькевич.

²⁶ Чехов выехал на Сахалин из Москвы 21 апреля 1890 г. и вернулся пароходом в Одессу 1 декабря того же года. Узнав о намерении Чехова посетить Сахалин, Каратыгина написала ему 1 марта 1890 г. длинное и подробное «письмо-книгу» о своем путешествии по Сибири и Сахалину, давая писателю советы и наставления к предстоящему путешествию.

²⁷ Полное собр. соч. Ант. П. Чехова, т. XV, «Остров Сахалин». Изд. 2. СПб., А. Ф. Маркс, 1903. На указанных страницах рассказывается о «небольшой прогулке», «которая, однако, от начала до конца была обставлена такими неудобствами, что вышла у нас не прогулка, а как будто пародия на экспедицию» (стр. 117).

²⁸ Эти письма неизвестны.

²⁹ Каратыгина имеет в виду статью Н. Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)», напечатанную в «Историческом вестнике», 1909, № 8, стр. 499—519. В этой статье автор обвинял писателя в самомнении, зазнайстве, в скупости, неблагодарности и т. д. Отмечая, что «чеховский талант — небольшой и чисто раздражительный», Ежов снисходительно называл его «недурным юмористом», находя, что он «рубит дерево не по плечу, надорвался и выбыл из последних сил» и что похвалы ему «преувеличенны». Эта статья вызвала бурю возмущения у русских читателей, и Ежову пришлось напечатать объяснение, в котором он пытался оправдаться

и полемизировать со своими многочисленными противниками («Моя статья о Чехове». — «Исторический вестник», 1909, № 11, стр. 595—607).

³⁰ Г. П. — возможно, Глафира Викторовна Панова. См. прим. 10. Л. — вероятно, Лидия Николаевна Ленская, жена А. П. Ленского, которая также в 1889 г. была в Одессе.

³¹ Первоначально театр назывался «Театром Литературно-артистического кружка». Театр арендовал у графа Апраксина помещение Малого театра на Фонтанке, д. 65, и начал свою деятельность 17 сентября 1895 г. спектаклем Островского «Гроза». Председателем дирекции театра был Суворин, его помощником — П. П. Гнедич. 15 декабря 1899 г. Литературно-артистический кружок был переименован в Литературно-художественное общество, и театр стал называться «Театром Литературно-художественного общества». Суворин оставался председателем Общества до самой своей смерти 11 августа 1912 г. После его смерти театру было присвоено его имя (5 сентября 1912 г.). В 1895 г. в дирекцию театра входили Г. К. Градовский, А. П. Коломнин, А. Р. Кугель (1864—1928), П. Д. Ленский (князь Оболенский), А. Н. Маслов, Н. И. Холева. Режиссером был приглашен Е. П. Карпов. При основании театра в составе труппы были артисты: А. А. Пасхалова, З. В. Холмская, Л. Б. Яворская, А. П. Никитина, К. А. Каратыгина, П. К. Красовский, М. А. Михайлов и др. П. А. Стрепетова (1850—1903) и В. П. Далматов (1845—1912) поступили в театр позднее (см. «Двадцатилетие театра имени А. С. Суворина. Бывш. театр Литературно-художественного общества. 1895—1915». Составил Н. Долгов. Пг., 1915; Е. П. Карпов. А. С. Суворин и основание театра Литературно-артистического кружка. — «Исторический вестник», 1914, № 8, стр. 449—470; № 9, стр. 873—902).

³² Михаил Адольфович Михайлов (Дмоховский) (ум. в 1914) — актер театра Литературно-артистического кружка с 1895 по 1905 и с 1907 по 1912 г.

³³ А. А. Пасхалова — актриса театра Литературно-артистического кружка с 1895 г.

³⁴ В подлиннике ошибочно: 1897 г.

³⁵ Чехов был в Одессе в 1894 и 1901 г., в Кисловодске — в 1896 г. Фотография, о которой пишет Каратыгина, — неизвестна.

³⁶ 29 ноября 1898 г. Чехов писал А. С. Суворину: «У меня пять дней было кровохарканье и вот только сегодня отпустило. Но это между нами, не говорите никому. Я совсем не кашляю, температура нормальная, и моя кровь пугает других больше, чем меня» (XVII, 369).

³⁷ 27 октября 1898 г. Каратыгина послала Чехову следующую телеграмму: «Дорогой друг, приятель Антон Павлович, не смейте хворать, приезжайте скорей в Москву на гастроли, поохочем, Клеопатра Каратыгина». Текст телеграммы изобилует ошибками, возможно, что Чехов нарочно ввел в свой ответ (подлинник неизвестен) характерные для телеграмм искажения.

³⁸ Ошибка: Чехов венчался в Москве.

³⁹ Из этих писем известно одно, от 25 ноября 1901 г. (XIX, 176—177).

⁴⁰ Каратыгина сама несколько раз обращалась к Чехову с разными просьбами — то помочь ей устроиться на работу, то дать ей взаймы денег, и Чехов всегда отзывался на ее просьбы. Последнее письмо Каратыгиной к писателю от 14 мая 1904 г. полно отчаяния и горя. Она умоляла Чехова помочь ее брату Константину Александровичу Глухареву, больному туберкулезом, и дать деньги на его лечение и поездку в Финляндию. Письмо кончается следующими словами: «Простите нахальство, готова зарезать кого-нибудь. Каторжная жизнь. Ваша великая артистка земли Русской Кл. Каратыгина. Как вы живете, милый нарядный литератор?» На это письмо Чехов, по-видимому, не смог ответить: в конце апреля он уехал из Ялты в Москву, где его здоровье резко ухудшилось, весь май он пролежал в постели, а 3 июня выехал в Баденвейлер.

⁴¹ Каратыгина ошиблась. 17 января 1904 г. в Московском Художественном театре Чехова чествовали по случаю первой постановки «Вишневого сада» и двадцатипятилетия его литературной деятельности.

⁴² Заключительную страницу воспоминаний, не имеющую отношения к Чехову, мы опускаем.